

## ОБРАЗ МОРСКОЙ ДЕВЫ В ПОЭЗИИ К. Д. БАЛЬМОНТА

Г. М. Маматов

**Ключевые слова:** К. Бальмонт, образ морской девы, лирика, поэтическая философия, мифопоэтика.

**Keywords:** K. Balmont, image of sea maiden, lyric, poetical philosophy, mythopoetic.

DOI 10.14258/filichel(2022)1-11

### **В**ведение

Вопросам мифопоэтики в поэзии К. Д. Бальмонта посвящено немало научных работ. Данная тема особенно полно разработана в отношении его «природной» поэтики. Важным вопросом в этом контексте остаются мифы о водной стихии. В литературоведении уже исследована акватическая символика в ранней лирике К. Д. Бальмонта [Проскурина, 2016, с. 116–122], точные наблюдения за маринистическими образами сделаны в диссертации В. Бурдина [Бурдин, 1998], монографиях Н. Молчановой и П. Куприяновского [Куприяновский, Молчанова, 2001], О. Ханзена-Лёве [Ханзен-Лёве, 2003]. В этих трудах затронуты проблемы мифопоэтики, но уделено недостаточно внимания хрестоматийному в культуре образу морской девы, весьма распространённому в художественной картине мира символиста. Комплексных работ о морских девах, появляющихся в 23-х стихотворениях Бальмонта, не существует, что обуславливает актуальность данной статьи. Морская дева возникает у поэта в различных образах, связанных со славянским и балтийским фольклором, что типично для поэта, обращавшегося к языческим культам разных народов (см. [Цыкунова, 2005]).

### **Образ морской девы в любовной лирике**

Морская дева играет важную роль в любовной лирике символиста, особенно в ранних произведениях из сборников «В безбрежности», «Под северным небом» и «Тишина», где частый образ русалки связывается с типичными для раннего Бальмонта декадентскими мотивами смерти и любви. В этих стихотворениях русалка представляет собой вариацию *femme fatale*. У поэта очевидна типичная связь русалки с миром мертвых, используются характерные для фольклора мотивы смеха, со-

блзнения путника, пения, щекотки и утопления. А. Афанасьев пишет, что русалки в фольклоре «любят качаться по вечерам на гибких ветвях деревьев, так же неистово хохочут, так же защекочивают насмерть и увлекают в омуты неосторожных путников, завидя которых — манят к себе ласковым голосом» [Афанасьев, 1869, с. 44]. Очевидно влияние баллад «Русалка» А. С. Пушкина и «Русалка» и «Морская царевна» М. Ю. Лермонтова, где возникают аналогичные мотивы<sup>29</sup>. Но в отличие от фольклора и поэзии XIX в. у символиста значимость приобретают темы глубины, равнодушия и холодности русалки, которая «страсти не подвластна». Она возникает как роковая дева, убивающая ради веселья и наслаждения смертью:

*Наш взгляд глубок и чист, как у ребенка.*

*Мы ищем Красоты и мир для нас красив,*

*Когда, безумца погубив,*

*Смеемся весело и звонко*

(1895) (Бальмонт, Русалки, 2011, с. 49)

Морская сущность русалки порождает её сказочную красоту и в то же время бездушие и холод: «В зеленых глазах у нее глубина — холодна» (Она, как русалка, 1897).

Но если в ранних текстах русалка — коварная красавица, в которой соединены Эрос и Танатос, то в любовной лирике из книги «Будем как Солнце» этот образ появляется лишь в миниатюре «Морская душа» (1903), где дева, вышедшая из моря, закликает путников. Но в этом случае она несчастна, ибо не может разделить свою любовь с мужчиной, которого ей предстоит убить (*Бледная, влюблённая колдунья*). В других миниатюрах книги («Нереида», «Русалка», «Я ласкал её долго...») всё ограничивается эротическими мотивами, о чём пишет В. Шапошникова [Шапошникова, 2008, с. 33].

Особое место в данном контексте занимает стихотворение «Вандины» (1912) из книги «Зарево зорь». В миниатюре повторяется тема рокового влечения, но в связи с германским фольклором. Здесь Бальмонт следует идеалам ранней лирики. Девы-ундины водят хороводы, привлекающая прекрасным голосом скитальцев, которых уводят на дно озёр. В отличие от других морских дев из поэзии предэмигрантского периода («Водная панна», «Русалка», «Русалочка»), ундины имеют черты внешности русалок из ранней декадентской поэзии (бледное голое тело, глубокие глаза) и несут смерть. Финал текста созвучен стихотворениям первых сборников:

<sup>29</sup> О связи стихотворений Бальмонта с данными балладами пишут П. Куприяновский и Н. Молчанова [Куприяновский, Молчанова, 2001, с. 140].

*В лёгкой пляске потоните,  
Свет узнайте соучастья,  
Вовлекитесь в хороводы,  
Хорошо на дне озёр.*

(Бальмонт, 1912, с. 46)

### **Морская дева в фольклорных стилизациях**

Образ морской девы возникает в текстах, насыщенных фольклорной символикой. Первым примером можно назвать образ русалки в восьмой части поэмы «Забытая колокольня» (1897), наполненной готической мотивикой. В миниатюре русалка совершает детоубийство (*Родного ребёнка зарыла*). Сохраняются закреплённые за ней в фольклоре мотивы смерти и смеха. Важна связь этого страшного образа с апокалиптическими мотивами. Её превращение в «окаменевшее изваяние» и иссушение моря (*Когда глубина обмелеет*) — проекция Страшного Суда:

*То будет в последние дни,  
Когда мы простимся с Мадонной.*

(Бальмонт, 2011, с. 110)

Это единственный случай, когда образ русалки соотносится с эсхатологическими мотивами, что созвучно декадентской направленности ранней лирики Бальмонта. В зрелом творчестве он обращается к образам славянского и балтийского фольклора.

Наиболее традиционным в данном контексте можно назвать стихотворение «Садко» (1906), где поэт следует тексту былины, а его герой, новгородский купец, попав к водному царю, выбирает в жёны царевну Чернаву. Но в отличие от первоисточника здесь эксплицируются эротические мотивы:

*И Садко забылся в красоте морской,  
И жену он обнял левою ногой.*

(Бальмонт, 2011, с. 518)

Рассмотрим стихотворение «Царица Балтийских вод» (1910), представляющее собой лирическое переложение литовской легенды о морской владычице Юрате, влюбившейся в рыбака Цаститиса, за что боггромовержец Перкунас разрушил янтарный дворец царицы, которую приковал к его руинам, а её возлюбленного поразил молнией. В тексте Бальмонта изменён финал: героиня прикована к скале напротив мёртвого тела Цаститиса, что делает сюжет легенды в стихотворении более трагичным:

*И на милого мертвого вечно она  
В глубине бледноводной Балтийского моря  
Смотрит, смотрит, любовью горя.*

*Оттого-то в час бури нам слышатся крики,  
И по взморью, за бурей, какие-то лики  
Нам бросают куски янтаря*

(Бальмонт, 1931, с. 81)

Более сложный образ — Берегиня в одноимённой миниатюре (1906), где она представлена богиней, дарующей жизнь в смерти. В лужицком фольклоре берегини были злыми духами, жившими в горах, на земле и в воде: «Древнейшее значение слова брег (берег) есть гора; а потому название берегиня могло употребляться в смысле ореады, горыни <...> и вместе с тем служить для обозначения водяных дев, блуждающих по берегам рек и потоков» [Афанасьев, 1869, с. 44]. В стихотворении Берегиня наделена чертами морской богини (*Это водные прибрежные богини*) и лебедя, обитателя воздушной стихии (*Лебедь белая, ведунья старых дней*). Божественная сущность позволяет Берегине дать вечную жизнь Витязю Потоку после превращения его в камень:

*И взмахнув крылами белыми над ним,  
Обернула камнем витязя немым.  
Спит Поток, застыл виденьем белоснежным,  
Над затоном, над мерцаньем вод прибрежным.  
В невеликом отдалении от него  
Лебедь Белая, и всё кругом мертво.  
Но не мертвенно-мертво, а в смерти живо: —  
Веще спит она, и в сне навек красива.*

(Бальмонт, 2011, с. 550)

Особое место занимает стихотворение «Семика» (1907), посвящённое Русалиям:

*Семицкая неделя — зелёная, русальная,  
Часы Зелёных Святков, во всём году единые,  
В душе тоскует сказка, влюблённая, печальная,  
И быстро разрешится в те ночи воробьиные.*

(Бальмонт, 2011, с. 708)

Русалки в этой миниатюре лишь упомянуты (*Русалки защекочут вас, Русалки захохочут вас*). Поэту важно показать различные ритуалы (бросание трав в реку, завивание берёзы, похороны кукушки) для тщательного описания картины сакрального обряда, посвящённого задабриванию русалок (см.: [Пропп, 1963]). Финальная строфа актуализирует важную для фольклора тему инициации:

*Войдёшь в реку, забудешься, утонешь ты в воде,  
Уйдёшь от вод, и сон уйдет, и нет его нигде.  
О, девушка, войди в хрусталь, но в воды травку кинь,*

*Спасёт тебя одна трава, печаль, печаль, полынь.*

(Бальмонт, 2011, с. 708)

Девушка должна пройти реку (загробное царство) ради духовного очищения. Тему инициации усиливает время праздника, который традиционно проходил в весенне-летний период, что символизировало обновление природы и молодость.

### **Образ морской девы и философия К. Бальмонта**

Многие фольклорные стихотворения отражают философские взгляды поэта, его понимание солнца как всемирного созидającego начала, что связано с авторской концепцией прекрасного. В сказке «Морская пани» (1906) царевич Горошек крадёт деву моря, символизирующую хрупкую природу красоты и равновесия во вселенной, её похищение оборачивается лишением мира чудесного солнечного начала:

*И бледнеет, и чахнет в томленьи бессонном*

*И как Пани Морская — так Солнце вдали,*

*Раньше было оно на лазури червонным,*

*Побледнело, грустит, все цветы отцвели.*

(Бальмонт, 2011, с. 548)

Связь с солнцем очевидна и в «Марии Моревне» (1906), героиня которой обладает золотой лучезарностью: «*Ты мир золотишь светоносностью взгляда*».

В данном случае следует обратиться к солярной мифологии в творчестве Бальмонта. В трактате «Солнечная сила», ставшем прозаической прелюдией ко второму изданию книги «Будем как Солнце», поэт выстраивает собственную концепцию мироздания и красоты, как единства лунного («Серебряный чертог») и солнечного («Золотой чертог») начал: «*между Солнечным светом и Лунным — различие по существу, разнствоование качественное, противопоставление двух начал, несродных и несоизмеримых, но создающих в двойственности одну поэму. Это — Огонь и Влага, Мужеское и Женское. В их вражеском и несоразмерном соприкосновении, во встрече нетворческой и неблагословенной, возникает пожар или потоп. Встреча же дружеская Мужского и Женского, соприкосновение священное Огня и Влагги, создаёт, через Поэму Любви, Поэму Жертвы, благословенное вознесение жертвы Верховным Силам, не устающим нами петь, через нас достигать, нашими зрачками гореть, всё живое и мёртвое, или кажущееся мёртвым, слагать в высокую Миртовую Драму*» (Бальмонт, 1918, с. 17). Это единство солнечного и лунного начал являет всемирную гармонию, выражая идеал поэта, его космогоническую концепцию, по которой Вселенная возможна лишь как синтез противоположных элементов природы и бытия.

В книге «Будем как Солнце» данные мысли нашли отражение в ряде стихотворений («Белый пожар», «Гимн огню», «Воздушный храм»). Но особенно ярко эти идеи воплотились в восьмичастном стихотворении «С морского дна» (1903). Главная героиня — бледная дева, живущая на морском дне с сёстрами, среди которых она чувствует себя чужой (*Я с вами, но я не такая, как вы*) и желает вырваться из своего мира, изменив свою стихийную сущность, потому она отправляется в пещеру к духу-теургу, имеющему инфернальное и божественное начала: «*Колдун? Колдунья? Зверь? Химера? / Владыка жизни? Гений вод?*» (Бальмонт, 2011, с. 190). После встречи с духом она проходит обряд инициации, в ходе которого переживает несколько превращений. Её переход в иное состояние оборачивается символической смертью:

*И целый день, бурунами носима  
По плоскости стекла,  
Она была меж волн, как призрак дыма,  
Бездушна и бела.*

(Бальмонт, 2011, с. 191)

Происходит вертикальное путешествие от абсолютного низа (морское дно) к абсолютному верху (небеса) через поверхность моря (промежуточное пространство между мирами живых и мёртвых), на берег (мир живых) и вознесение. Этот путь знаменует духовное перерождение и слияние с высшим разумом, символизируемым Солнцем:

*Но прежде чем в безвестность глянешь,  
Ты будешь в образе другом.  
Не бледной девой ты предстанешь,  
А торжествующим цветком.  
И нежно женственной богиней.  
С душою, полной глубины,  
Простишься с водною пустыней,  
Достигнув уровня волны.  
И после таинств лунной ночи,  
На этой вкрадчивой волне,  
Ты широко раскроешь очи,  
Увидев Солнце в вышине.*

(Бальмонт, 2011, с. 190)

Главная идея произведения — преобразование хаоса в гармонию, обретение целостности. В символической смерти-перерождении высвечивается тема начала новой жизни благодаря мотиву весны (*Весной, в новолунье, в прозрачный тот час*). Центральные символы интерпретируются следующим образом: морское дно — тёмная, пустая сущность жизни;

морская дева — метущаяся душа, желающая обрести истинный смысл бытия; солнце — божественная сила, преобразующая внутренний мир героини. С одной стороны, это светило лишает деву физического зренья, но с другой стороны, оно дарует ей второе рождение и прозрение. Героиня переживает несколько превращений: вначале это морская дева, живущая на дне; затем цветок, символизирующий хрупкость и чистоту; а после встречи с солнцем и символической смерти, — провидец:

*И ночи себя предавая,  
Расцветиший цветок на волне,  
Она засветилась, живая,  
Она возродилась вдвойне.  
И утро на небо вступило,  
Ей было так странно-тепло.  
И Солнце её ослепило,  
И Солнце ей очи сожгло.*

(Бальмонт, 2011, с. 190)

О. Ханзен-Лёве интерпретирует мотив ослепления от солнечных лучей у Бальмонта как озарение, открывающее идеальный космический мир [Ханзен-Лёве, 2003, с. 813]. В финале стихотворения героиня проносит фразу, в которой тема озарения очевидна:

*«Я видела Солнце» — сказала она. —  
«Что после, не всё ли равно?»*

(Бальмонт, 2011, с. 191)

Стремление к Космосу, обретение силы Солнца тождественно достижению внеэмпирического трансцендентного идеала.

### **Выводы**

Образ морской девы в поэзии К.Д. Бальмонта неоднозначен. В любовной лирике раннего периода он представляется негативным, близким декадентским идеям поэта. Морская дева воплощает идеал женской красоты, существующий между миром людей и загробным царством, символизируемым пучиной. Это *femme fatale*, хладнокровно обольщающая мужчин своим пением и красотой и губящая их. Данный образ меняется в зрелой поэтике, где декадентские темы уступили место фольклорным мотивам. Возникают лирические пересказы былин, сказок и легенд («Садко», «Царица Балтийских вод», «Мария Моревна»), поэтические описания народных обрядов («Семик»). В других произведениях морская дева имеет божественное начало и способна даровать жизнь в смерти («Берегиня»). Но в большинстве текстов морская дева — носитель солярной энергии, возникающая как символ истинной гармонии и красоты, что вписывается в контекст философии Бальмонта. В стихо-

творении «С морского дна» центральное место занимает тема обретения целостности бытия, истинной духовной красоты и гармонии. Потеря физического зрения лирической героиней дарует ей зрение внутреннее, позволяющее соединиться с запредельной сферой инобытия. В вознесении морской девы показано возвышение над сущим, обретение целостности, создающей гармонию, что выражает философско-эстетические идеалы старшего символиста.

### Библиографический список

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М., 1869. Т. 3.

Бурдин В. В. Мифологическое начало в поэзии К. Д. Бальмонта 1890-х-1900-х годов: дис... канд. филол. наук. Иваново, 1998.

Куприяновский П. В. Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-russkie-agrarnye-prazdniki/smert-i-smeh.htm>.

Проскурина В. Л. Маринистические образы в ранней лирике К. Д. Бальмонта // Учёные записки Орловского государственного университета. 2016. № 1.

Ханзен-Леве О. А. Русский символизм: система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. СПб., 2003.

Цыкунова Г. В. Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Шапошникова В. В. Русалочий мотив в книге К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце» // Солнечная пряжа. Шуя. 2008. № 2.

### Список источников

Бальмонт К. Д. Зарево зорь. М., 1912.

Бальмонт К. Д. Будем как Солнце. М., 1918.

Бальмонт К. Д. Северное сияние. Стихи о Литве и Руси. Париж, 1931.

Бальмонт К. Д. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2011.

### References

Afanašev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu*. [The Poetic Outlook on Nature by the Slavs], in 3 vols. Moscow, 1869. Vol. 3.



Burdin V.V. *Mifologicheskoe nachalo v poezii K.D. Bal'monta 1890-h-1900-h godov*. [Mythological beginning in poetry by K. D. Balmont of 1890–1900s]. Thesis of Philol. Cand.Diss. Ivanovo, 1998.

Kupriyanovskij P.V. Molchanova N.A. *Poet Konstantin Bal'mont. Biografiya. Tvorchestvo. Sud'ba*. [Poet Konstantin Balmont. Biography. Creativity. Life]. Ivanovo, 2001.

Propp V.Ya. *Russkie agrarnye prazdniki*. [Russian agrarian feasts] Leningrad, 1963. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-russkie-agrarnye-prazdniki/smert-i-smeh.htm>.

Proskurina V.L. *Marinisticheskie obrazy v rannej lirike K.D. Bal'monta*. [Marine images in early lyric by K. D. Balmont]. In: *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific notes of Orel State University]. 2016. No.1.

Hanzen-Leve O.A. *Russkij simvolizm: sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskij simvolizm nachala veka*. [Russian symbolism: a system of poetic motives. Mythopoetic symbolism of the turn of the century]. St. Petersburg, 2003.

Cykunova G.V. *Religioznye i filosofskie idei, motivy, obrazy v hudozhestvennom mire K.D. Bal'monta*. [Religious and philosophical ideas, motives, images in the artistic world of K. D. Balmont]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2005.

Shaposhnikova V.V. *Rusalochij motiv v knige K.D. Bal'monta "Budem kak Solnce"*. [The plot of mermaid in the book "Let's be like the Sun!"]. In: *Solnechnaya pryazha*. [Solar yarn]. Shuya. 2008. No. 2.

#### List of sources

Bal'mont K.D. *Zarevo zor'*. [Glow of dawn]. Moscow, 1912.

Bal'mont K.D. *Budem kak Solnce*. [Let's be like the Sun]. Moscow, 1918.

Bal'mont K.D. *Severnoe siyanie. Stihi o Litve i Rusi*. [Northern Lights. Poems about Lithuania and Russia]. Paris. 1931.

Bal'mont K.D. *Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome*. [Complete set of poetry and prose in one volume]. Moscow, 2011.